

УДК 13:008(571.6)

Поповкин А.В.
Popovkin A.V.

Логос русской культуры на берегах Тихого океана

Logos of Russian culture on the shores of the Pacific Ocean

В современной культурной антропологии установлен факт тесной связи ландшафта с культурой проживающего в нём этноса. Для уяснения природы этой связи предлагается метод трансцендентальной аналитики: все явления изучаемой культуры рассматриваются как реализация универсальных трансцендентальных культурных форм способом, характерным для данной культуры. Указанным методом исследуется вопрос диссонанса культурного кода восточных славян, сформировавшегося в ландшафте европейской части России, и дальневосточного ландшафта.

Ключевые слова: этническая культура, русские, ландшафт, антропология, гуманитарная география, трансцендентальная аналитика, Дальний Восток

In the modern cultural anthropology established: the landscape and culture of living there ethnic group have a close relation. To understand the nature of this relation, we propose a method of transcendental analytics: all the phenomena studied culture is seen as the realization of universal transcendental cultural forms in a manner characteristic of the culture. This method explores the question of dissonance cultural code of the eastern Slavs, formed in the landscape of the European part of Russia, and the Far Eastern landscape.

Key words: ethnic culture, Russian, landscape, anthropology, human geography, transcendental analytics, Far East

Вопрос о связи человека, его культуры и земли, на которой он живет, в наше время получил новое развитие. Очень много об этом было сказано поэтами и писателями. Благодаря им мы имеем огромное количество образов для выражения этой связи. В современной культурной антропологии все более важную роль приобретает понятие ландшафта, который некоторыми исследователями начинает рассматриваться как форма кодификации исторической памяти народа [7, р. 1].

Для нас необходимость осмысления связи культуры и ее ландшафта вытекает из задачи построения российской национальной идентичности на основе исторического наследия и народной культуры. В первую очередь здесь, конечно, речь идет о культуре русского народа, которая является основой для взаимосвязи всех народов России, в том числе и единого государственного языка. К сожалению, тема связи культуры и земли, на которой она развивается, привлекает не только ученых, но и всевозможных мистификаторов. И даже у ученых этот вопрос, порой, чрезмерно возбуждает воображение: так некоторые современные архи-

ПОПОВКИН Андрей Владимирович, к.филос.н., научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** andrey.popovkin@gmail.com

текторы, кажется, вполне готовы рассматривать *genius loci* (дух места) как некую реальную сущность¹.

В современной антропологии влияние ландшафта на формирование этнической культуры является общепризнанным. Вопрос лишь в природе и механизмах этого влияния. Осмысление этого вопроса осуществляется не только со стороны антропологии, но и географии, культурологии и археологии. Возникают целые синтетические направления, как, например, *гуманитарная география*, заметные усилия для развития которой в нашей стране были приложены Д.Н. Замятиным и его школой [1]. В качестве характерной черты, объединяющей поиски закономерностей, связывающих духовную культуру и ландшафт, в котором проживает этнос, можно отметить обращение исследователей к различным философским школам и методам. Пожалуй, наиболее «популярным» в этом отношении философом для западных исследователей выступает М. Хайдеггер, а из подходов наибольшее внимание привлекает феноменологический. И здесь ученые, часто не имеющие профессиональной философской подготовки, оказываются в ловушке проблемы, известной со времен И.Канта как «скандал в философии». Попросту говоря, метафизические построения, на которые пытаются опираться при построении гуманитарной географии или иных форм осмысления связи культуры и ландшафта, не содержат научной информации или фактов. С точки зрения позитивного научного знания, в метафизике, строго говоря, «...нет никакой информации и нет никаких фактов, которые можно извлечь, кроме фактов того, что некоторые люди думают или думали касательно различных метафизических вопросов» [6, р. 10]. В итоге, очень многие теоретические построения оказываются уязвимы для критики. Яркой иллюстрацией может послужить статья А.А.Романчука и В.Н. Тельнова [3], в которой авторы анализируют феноменологические построения основателя «Феноменологии ландшафта» К.Тилли [8] и приходят к выводу, что все содержательные в научном плане результаты, полученные им, не являются плодами феноменологического подхода. С другой стороны, феноменологические построения К. Тилли крайне проблематичны с точки зрения верификации. Усугубляет указанную проблему еще и эклектизм, который исследователи проявляют в выборе философского основания для осмысления взаимосвязи культуры и географического ландшафта. Зачастую, в качестве такого основания берется просто набор идей из разных философских систем, созвучных интуициям исследователя.

Все вышесказанное не означает необходимости отказа от философского базиса в осмыслении поставленной проблемы. Однако здесь требуется избегать метафизической эклектики. Пожалуй, первым, с чего следует начать, будет определение *культуры*. Оно вызывает немало споров среди культурологов и философов, но мы можем принять за основу базовую характеристику: *культура есть форма или способ существования человеческих сообществ*. Действительно, любое сколько-нибудь выделенное человеческое сообщество (этническое или даже профессиональное) почти непременно порождает свою собственную культуру или субкультуру. Как таковая культура, конечно, *определяется природой человека*, сущностной чертой которого, со времен античности, считается причастность логосу. Логосная природа человека проявляется, прежде всего, во владении словом, но так же и в особом мышлении, недоступном животным – выведении из конкретного опыта общих понятий и закономерностей. Кроме этого, всякий человек, так или иначе, стремится к обретению смысла своей жизни, который придавал бы значение всем происходящим с ним событиям, определял их нравственную оценку. И

¹ Подробнее см. [2].

этот смысл, стягивающий жизнь в единство, есть тоже логос, по крайней мере, в его гераклитовском понимании.

Однако человек становится человеком только среди людей, притом обладающих логосом в форме речи, мышления и нравственности. Современная философия мыслит эту сферу как интересубъективное, а русская философия – как *соборную* природу человека. Наиболее характерным примером интересубъективного выступает язык, бытие которого нельзя назвать ни чисто субъективным (поскольку он предназначен для общения с другими субъектами), ни чисто объективным (язык не существует вне владеющих им субъектов). Можно сказать, что объем понятия интересубъективное больше, чем объем понятия культура.

Никакая конкретная культура не покрывает всего поля интересубъективного. Например, во всякой культуре мы находим *конкретную реализацию* языка: русский, английский и т.п. Иногда бывают культуры мультиязычные, как, например, канадская или швейцарская. Но никакая культура не задействует все множество реально существующих языков, равно, как ни один реальный язык не задействует полностью все возможные лингвистические формы. В этом отношении *формы интересубъективного* (такие, как совокупность лингвистических форм), могут рассматриваться как *трансцендентальные формы* (то есть обуславливающие саму возможность реализации) для эмпирически наблюдаемых культур. Таковыми трансцендентальными формами для культуры выступают не только лингвистические формы (язык), но и, например, нравственные нормы. Конечно, конкретное *содержание* нравственных норм может не совпадать в различных культурах. Но как бы ни понимали в них, например, справедливость или храбрость, вряд ли мы найдем народ, лишенный самих этих понятий.

Итак, мы предлагаем понимать *конкретную культуру* (например, русскую или китайскую) как *реализацию логосной и соборной природы человека в некоем эмпирическом сообществе*. Однако в контексте темы нашего исследования следует прислушаться к замечанию Д. Дэвидсона о том, что единство интересубъективного и субъективного в человеческом мышлении должно быть дополнено еще и третьим уровнем – уровнем объективного [5]. Действительно, субъективные переживания, мысли и чувства формируются у человека через его участие в интересубъективном (например, в речевой коммуникации, фольклорной традиции и т.п.) в ситуациях, обусловленных объективным, т.е. некими реальными предметами или событиями. В нашем случае таким объективным, в связи с которым происходит конкретная реализация культурных форм в том или ином народе, выступает этническое окружение и *географический ландшафт*, в котором существует и развивается культура этого народа.

Таким образом, мы можем рассматривать все формы культуры, в том числе и детерминированные ландшафтом, как конкретную эмпирическую реализацию общих всем культурам трансцендентальных форм, *способом, характерным именно для данной культуры*. Например, все народы, живущие на побережье, овладевают искусством мореплавания и слагают песни о море, но каждый народ делает это по-своему, создавая различные типы судов и разные песни. Способ, которым конкретная культура реализует вышеупомянутые трансцендентальные формы, а так же цель, к которой она устремлена в своем развитии, определяют *логос культуры*.

Предложенный подход позволит нам, с одной стороны, иметь теоретическое основание для сравнения различных культур, а с другой – избегать необоснованных отождествлений в изучении внешне сходных явлений в различных культурах. Кроме того, сформулированное выше понимание культуры позволяет получить внятное объяснение сходства

ряда культурных форм у разных народов при отсутствии взаимовлияний и прямых культурных заимствований.

Систематика универсальных трансцендентальных форм культуры представляет отдельную задачу философии культуры. Однако в ряде случаев эти формы усматриваются достаточно легко. Так, нет нужды обосновывать всеобщность нравственного сознания и универсальность его категорий. И нас теперь не должно смущать различие в понимании нравственных норм разными культурами – общность трансцендентальных форм культуры вовсе не требует одинаковости их содержания¹.

Осмысление форм конкретной культуры, в которых проявляется ее связь с вмещающим ландшафтом, как реализации универсальных трансцендентальных форм, позволит нам приблизиться к пониманию логоса этой культуры. Эта задача, по всей видимости, требует весьма кропотливого исследования. Однако ситуация, когда культура оказывается перенесенной в чуждый ей ландшафт, и коллизии, вытекающие из этого, представляют особенно богатый и плодотворный материал для анализа. Именно таково положение русской культуры на Дальнем Востоке.

Прежде всего, отметим, что для любой народной культуры характерно свое, особое, часто – *поэтическое*, осмысление своей связи с родной землей. И это осмысление составляет, в числе прочего, уникальное содержание культуры. Так, русские «родные просторы», не отвечают образу родины для представителей кавказских народов. И даже наличие сходных географических объектов не всегда осмысливается народами одинаково: русская «Волга-матушка» не находит соответствия, например, в английской культуре.

В наше время связь человека с его землей претерпела некоторые изменения. Отчасти эти изменения отражают естественный ход развития культуры и цивилизации, но некоторые из них можно рассматривать как патологические. К таковым, наверное, можно отнести тот разрыв, лакуны в восприятии своей страны как географического единства, которые сформировались у граждан России в постперестроечные годы.

С одной стороны, мы живем в эпоху глобализации, которая выражается в качественном изменении транспортных потоков, открывших совершенно новые возможности не только для путешествий и торговли, но и для миграций. Менее чем за сутки человек из Средней Азии может оказаться на Дальнем Востоке. Пространство как будто исчезло. Но, с другой стороны, экономическая ситуация в России последних двух десятилетий привела к появлению новых барьеров. Благодаря причудам ценообразования расстояние от Владивостока до Москвы оказалось в ценовом эквиваленте практически равно расстоянию от Владивостока до Южно-Сахалинска. В результате дальневосточная региональная идентичность (сложившаяся в советский период) у людей «рассыпается» на областную и даже городскую.

С другой стороны, за время, прошедшее с эпохи «бурных 90-х», в нашей стране, благодаря неустанным реформам образования, выросло целое поколение людей с фрагментарным географическим восприятием страны. Она для них как будто слишком большая. Еще несколько лет назад дальневосточники достаточно резко различали себя и остальную Россию. Понадобилась суровая отповедь первых лиц государства, чтобы эту тенденцию переломить хотя бы в региональных властных элитах. С другой стороны, жители центральных областей России, порой, попросту

¹ Впрочем, такое требование возможно в рамках философского исследования культуры, особенно если философ занимает ясную мировоззренческую позицию, например, христианскую. В этом случае возможны оценочные суждения относительно содержания нравственных норм: их полноты и истинности.

забывают о Дальнем Востоке. Так, в одной патриотической песне группы «Любэ» есть слова: «Рассея моя, Рассея – от Волги до Енисея...». А как же земли за Енисеем? В лучшем случае для обитателей Центрального федерального округа Владивосток это «где-то за Уралом» – именно так высказался один из участников посещенного мной форума «Наследники победителей», проходившего в Самаре. Напрашивается горький вопрос: *не велико ли для нас наследие?*

Проблема единства российской земли заметно коррелирует с проблемой диссонанса ландшафта, «освоенного» русской народной культурой, и реального дальневосточного географического ландшафта. Рассматривая ландшафт как форму кодификации исторической памяти народа, мы обнаружим серьезную проблему: дальневосточная земля если и кодифицирует историческую память, то это память не русского народа. Попросту говоря, Дальний Восток имеет свою историю. Если говорить о цивилизованном освоении этих земель, то начать можно с государства Бохай (VII–X вв.). Позднее возникла империя чжурчженей (1115–1234 гг.), которую разрушили монголы. После них государства на территории Приморья и Хабаровского края надолго перестали существовать. Но это не значит, что здесь исчезло человеческое присутствие – край стал обителью народов, иногда называемых «внеисторическими». Хотя не такие уж они были внеисторические – по некоторым данным, в крае активно шло формирование новой нации, и, возможно, приди сюда русские на одно – два столетия позже, они застали бы здесь новое молодое государство.

Русские пришли на эти земли, не застав здесь государственных образований. Вместе с ними пришла и русская культура, в том числе, культура отношения к земле, к соседям и т.п. Но дело в том, что живы государства – Китай, Япония – которые помнят историю этой земли, отношения с которой (в том числе с государствами Бохай и т.д.) – часть их истории, а память у них очень долгая... Какое влияние все это может оказывать на культуру русских, живущих здесь? Этот вопрос еще ждет своего осмысления.

Сравнительно слабо «освоена» дальневосточная земля и в фольклоре славянского населения. Вряд ли кто-то будет спорить, что песни и сказки, которые мы рассказываем своим детям, являются основной формой трансляции традиций народной культуры. Однако в русских сказках и песнях часто говорится о географических объектах, отсутствующих на Дальнем Востоке: нет у нас многожды воспетой русской «широкой степи», нет «Волги-матушки» и т.п. Примечательно, что в сказках животные и элементы ландшафта как бы «осваиваются» человеком: Машенька ловко управляет с медведем при помощи пирожков, Иван-царевич скачет на Сером Волке, река укрывает сестру и брата от «гусей-лебедей» и т.п. Но на Дальнем Востоке, особенно в Приморье, центральное место в лесном царстве занимает не медведь, а тигр. Русская сказка его не знает, он не «освоен» архетипическими сказочными персонажами. Точно так же и основные элементы географического ландшафта Дальнего Востока – сопки и море – не исхожены ни Иваном-царевичем, ни даже Бабой-Ягой. Более того, в русских сказках море часто символизирует нечто очень далекое.

Еще одним важным этнокультурным фактором является «укорененность» русских центральной России в своей родной земле. Это проявляется в специфических региональных говорах, типических антропологических чертах (рост, цвет волос, оттенок кожи и т.п.). На Дальнем Востоке этого своеобразия нет: нет типического говора или диалекта – у нас почти правильный русский язык, сложившийся как общий знаменатель всех говоров, привезенных сюда. У нас нет выделяющегося ти-

пажа женщин или мужчин – мы все разные, из разных регионов сюда приехавшие, и в этой пестроте не имеющие собственного, специфически дальневосточного облика.

Что происходит с культурой, помещенной в новый топос? По всей видимости, логос культуры, характеризующий ее сущность, приведет в новых обстоятельствах к изменениям имеющихся и появлению новых форм фольклора, ведения хозяйства и т.п. Именно это мы и наблюдаем в русской культуре на Дальнем Востоке: в нашем фольклоре уже появляются Амур-батюшка, сопки, море, тигр... Отдельный вопрос – трансформация хозяйственной деятельности у восточнославянских переселенцев на Дальнем Востоке. Здесь прослеживаются две модели. С одной стороны, это освоение новых форм и способов хозяйствования, соответствующих климатическим и географическим условиям, а с другой – трансформация самого дальневосточного ландшафта в привычные для переселенцев формы. Последнее было особенно характерно для украинцев, зачастую сводивших приморскую тайгу и превращавших места своего поселения в знакомый лесостепной ландшафт¹.

Однако современные способы хозяйствования значительно меньше связаны с народной культурой, чем в период активного освоения Дальнего Востока восточнославянскими переселенцами. Тем не менее, связь с родной землей для человека не стала менее актуальной. Ведь для того чтобы место, в котором живет человек стало для него Родиной, в нем должны появиться могилы предков, памятники героям, должны быть сложены песни о красоте этой земли, увиденной глазами именно того народа, к которому принадлежит человек – иными словами, эта земля должна стать частью истории народа.

Сумеет ли мы «освоить» эту землю в логосе нашей культуры или будем в ней вечными «переселенцами», пришлым народом? Вопрос о культурной ассимиляции русских народами, издревле здесь живущими, скорее всего, неактуален – слишком сильно антропологическое отличие. Но если мы не хотим, живя на Дальнем Востоке, «утратить свою соль», перестав быть русскими и превратившись в глобализированных «просточеловеков», нам следует приложить дополнительные усилия для отыскания и удержания духовного стержня нашей национальной культуры.

Последнее время много надежд в этом отношении связывают с возрождением русского православия. Думается, что это верно. Но вместе с тем, хочется отметить, что раз «во Христе несть ни эллина, ни иудея», то христианство вполне можно понимать как духовный фундамент всякой народной культуры. В этом смысле нам еще предстоит продумать, что для нас нынешних православие, как мы будем на этом фундаменте создавать современную русскую культуру. И делать нам на Дальнем Востоке это придется без прямых и неотступных подсказок, которыми наполнена русская земля в центральной России в лице древних монастырей и храмов.

Однако православие, безусловно, может выступать путеводной нитью в историю нашего народа: если побывать на службах в православных храмах Приморья или Хабаровского края, а затем зайти, например, в Кремле в один из храмов с многовековой историей, то возникает непередаваемое ощущение «прорастания» в русскую историю. Вдруг осознаешь, что в дальневосточной земле реально живет та же духовная традиция, следуя которой, наши предки возводили эти древние стены.

Правда, нерешенным остается другой аспект проблемы. Допустим, дальневосточники могут «сшить» российское историко-культурное пространство через приобщение к православной традиции (хотя бы культур-

¹ Подробнее см., например, [4]

но-познавательное) и «встречу» с древними храмами Москвы и других городов. Но как быть с жителями центральной России? Достаточно ли для них просто туристических поездок на Дальний Восток? Что русского увидят они здесь? Как узнают эту землю как русскую? Возможно, решением этой проблемы могли бы стать памятники и мемориальные комплексы в честь русских просветителей этой земли: Иннокентия Московского, представителей династии Протодиаконовых и др., отмечающие места их подвига на Дальнем Востоке. Также важно хранить память о первооткрывателях, устроителях этих земель и, конечно, защитниках.

Решать поставленные здесь проблемы нужно как в общегосударственном масштабе, так и локально, на местах. А именно, нам, живущим на Дальнем Востоке, следует внимательнее отнестись к своему историческому и культурному единству с остальной Россией, а, точнее, и прежде всего – с русской православной культурой.

Литература

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 11–26.
2. Полякова И.А. Антропология места, или культурные метаморфозы *genius loci* // Вопросы культурологии. 2011. № 10. С. 46–51.
3. Романчук А.А., Тельнов В.Н. «Ветер и поток» в теоретической археологии // *Stratum plus*. № 2. 2000. С. 595–601.
4. Фетисова Л.Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Этнос и природная среда. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 87–104.
5. Davidson D. *Three Varieties of knowledge* // Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford, Clarendon Press, 2001. pp. 205–221.
6. Inwagen P. *Metaphysics*. University of Notre Dame, Westview Press. 2008. 344 p.
7. Stewart P.J., Strathern A. Introduction / Stewart P.J., Strathern A. // *Landscape, Memory and History. Anthropological Perspectives*. Ed. by Pamela J. Stewart and Anthony Strathern. Pluto Press, London, 2003. 246 p.
8. Tilley C. *A Phenomenology of Landscape Places, Paths and Monuments*. Oxford/Providence, USA. 1994. 236 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: osnovnye napravleniya, kategorii, metody i modeli // Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya. 2012. T. 1. № 1. S. 11–26.
2. Polyakova I.A. Antropologiya mesta, ili kul'turnye metamorfozy *genius loci* // Voprosy kul'turologii. 2011. № 10. S. 46–51.
3. Romanchuk A.A., Tel'nov V.N. «Veter i potok» v teoreticheskoy arkheologii // *Stratum plus*. № 2. 2000. S. 595–601.
4. Fetisova L.E. KHozyajstvennaya i kul'turnaya adaptatsiya vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka // Etnos i prirodnaya sreda. Vladivostok: Dal'nauka, 1997. S. 87–104.
5. Davidson D. *Three Varieties of knowledge* // Subjective, Intersubjective,

Objective. Oxford, Clarendon Press, 2001. pp. 205–221.

6. Inwagen P. *Metaphysics*. University of Notre Dame, Westview Press. 2008. 344 p.

7. Stewart P.J., Strathern A. Introduction / Stewart P.J., Strathern A. // *Landscape, Memory and History. Anthropological Perspectives*. Ed. by Pamela J. Stewart and Anthony Strathern. Pluto Press, London, 2003. 246 p.

8. Tilley C. *A Phenomenology of Landscape Places, Paths and Monuments*. Oxford/Providence, USA. 1994. 236 p.